

С. А. Ланцов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР ПЕРИОДА 50–80-х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье рассматривается влияние идеологии на внешнюю политику Советского Союза после смерти И. Сталина. Отмечается, что в середине 50-х годов XX в. новое советское руководство сумело сделать несколько прагматических шагов во внешней политике, способствовавших снижению напряженности между Востоком и Западом. Большое значение имел XX съезд КПСС, где было сделано заявление о возможности мирного сосуществования различных общественных систем. Однако десталинизация во внешней политике СССР имела противоречивый характер. С конца 50-х годов роль идеологического фактора в советской внешней политике вновь стала возрастать. Вследствие этого СССР взял на себя чрезмерные внешнеполитические обязательства, серьезно повлиявшие на его экономическое положение. Однако попытка деидеологизации внешней политики СССР в рамках «нового политического мышления» также привела к негативным последствиям как для Советского Союза, так и для современной России. Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: идеология, внешняя политика, СССР, XX съезд КПСС, «мировой революционный процесс», «новое политическое мышление», национальные интересы.

S. A. Lantsov

IDEOLOGY AS A FACTOR OF SOVIET FOREIGN POLICY (1950s–1980s)

The article overviews influences of ideology as a factor of Soviet foreign policy after Joseph Stalin's death. It concludes that Soviet leadership made several pragmatic foreign policy decisions in the mid-1950s, thus easing tensions between the East and the West. The decision of the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, which recognised the possibility of peaceful coexistence of different social systems, played an important role. De-Stalinization of Soviet foreign policy proceeded in a controversial manner, however. The role of ideology as a factor of Soviet foreign policy started growing again from the late 1950s. As a result, the Soviet Union committed itself to excessive international obligations the fulfillment of which posed a serious burden on its economy. The foreign policy of 'New Thinking', which again attempted to reduce the role of ideology as a factor of Soviet foreign policy, resulted in negative consequences for both the Soviet Union and contemporary Russia. Refs 5.

Keywords: ideology, foreign policy, Soviet Union, 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, "World Revolutionary Process", policy of "New Thinking", national interest.

В 2016 г. исполнилось 60 лет со времени проведения XX съезда КПСС. В связи с этой датой в средствах массовой информации высказываются разные, часто противоположные суждения о роли И. Сталина в отечественной истории и о процессе десталинизации, происходившей в 50-е годы прошлого века в нашей стране. Десталинизация коснулась и сферы внешней политики. Следует отметить, что оценка роли Сталина в области внешней политики не может быть однозначной. С одной стороны, он не раз проявлял прагматизм при решении внешнеполитических вопросов. С другой стороны, в последние годы жизни Сталина, пришедшиеся на

Ланцов Сергей Алексеевич — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s_lantsov@mail.ru

Lantsov Sergey A. — PhD, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; s_lantsov@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

начальный период холодной войны, у советского руководства возобладали идеологизированные, упрощенные представления о внешнем мире. Один из наиболее влиятельных советских руководителей того периода А. А. Жданов выразил такое видение международных отношений, выступая с докладом на совещании представителей нескольких компартий в 1947 г. Он заявил, что после окончания войны «образовалось два лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма» [1, с. 6–7].

По сути дела, восторжествовал взгляд на окружающий мир как черно-белый, лишенный полутонов. Такой взгляд неизбежно усиливал международную конфронтацию и вел к вероятному глобальному конфликту. Признаки подобного развития событий можно было увидеть в возникновении ряда региональных конфликтов, в частности войны в Корее, которая не могла бы начаться без одобрения со стороны Сталина.

В последние годы жизни Сталина Советский Союз оказался втянутым в целый ряд международных конфликтов. После его смерти наследники Сталина в советском руководстве предпринимали шаги, направленные на снижение уровня напряженности в международных отношениях и повышение безопасности СССР. Однако меры по десталинизации характера внешней политики Советского Союза привели к неоднозначным результатам.

После смерти Сталина его преемники в советском руководстве — Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, Л. П. Берия — продемонстрировали стремление внести коррективы не только во внутреннюю, но и во внешнюю политику СССР. Весьма активно в первые месяцы после кончины «вождя народов» в этом направлении действовал Берия, даже выступивший с инициативой объединения Германии при получении гарантий ее будущего нейтрального статуса. После падения Берии данная инициатива стала одним из пунктов обвинений бывшего руководителя советских спецслужб в «изменнической деятельности». Другие члены нового советского руководства постепенно отошли от сталинских установок на неизбежность новой мировой войны. Был официально сделан вывод о недопустимости войны с использованием термоядерного оружия, означавшей уничтожение всего человечества. Первым такое публичное заявление сделал Г. М. Маленков, занявший после смерти Сталина высший правительственный пост — Председателя Совета Министров СССР.

После того как первым лицом в советском руководстве стал Н. С. Хрущев, инициативы по проведению нового внешнеполитического курса перешли к нему. Наиболее заметными успехами в области внешней политики СССР в середине 50-х годов можно назвать подписание Соглашения о перемирии в Корее в 1953 г., проведение Женевской конференции 1954 г. по Индокитаю, положившей конец многолетней войне на этом полуострове, а также урегулирование вопроса об Австрии в 1955 г. Войска держав-победительниц были выведены из этой страны, и она обрела статус постоянно нейтрального государства.

На XX съезде КПСС, вошедшем в историю Советского Союза, были разоблачены некоторые из преступлений эпохи правления Сталина и провозглашены меры

по десталинизации как внутренней, так и внешней политики. «Выступая с докладом на съезде, — отмечают авторы исследования проблем советской внешней политики периода холодной войны, — Н.Хрущев фактически подверг ревизии сталинскую теоретическую схему, согласно которой, пока существует капитализм, мировая война неизбежна, поэтому единственный путь устранения неизбежности войны лежал через уничтожение капитализма, и в этой связи борьба за всемерное продвижение дела “мировой революции” и расширение рамок социализма считалась более важной задачей, чем борьба за мир. Основные новации в докладе Н.Хрущева сводились к следующему.

Продолжение углубления общего кризиса капитализма не означает полного застоя, приостановки производства и технического прогресса в капиталистических странах. Поэтому “нам надо внимательно следить за экономикой капитализма, не воспринимать упрощенно ленинское положение о загнивании империализма, а изучать все лучшее, что дают наука и техника в странах капитализма, с тем чтобы использовать достижения мирового технического прогресса в интересах социализма”.

Мирное сосуществование — не тактический ход, а основной принцип советской внешней политики. Разумеется, среди коммунистов нет приверженцев капитализма. Но Советский Союз не намерен ниспровергать капитализм в других странах с помощью “экспорта” революции. По словам Н.Хрущева, уверенность коммунистов в конечной победе их учения и социалистического строя во всемирном масштабе основана на том, что “социалистический способ производства имеет решающие преимущества перед капиталистическим” [2, с. 23–24].

Наряду с идеей мирного сосуществования на XX съезде был выдвинут тезис о возможности различных путей «перехода к социализму», включая и мирный путь с использованием демократических институтов и процедур. На этой основе предлагалось изменить отношение коммунистов к социал-демократам и не рассматривать последних как «лакеев и агентов империализма».

Во второй половине 50-х годов советское руководство во главе с Хрущевым все дальше отходит от черно-белого восприятия окружающего мира, развивая контакты с самыми различными силами и лидерами мировой политики. Устанавливаются тесные связи между Советским Союзом и такими странами «третьего мира», как Индия, Индонезия, Египет и ряд других. Лидеры этих стран не были марксистами, и их отношение к своим собственным коммунистам было зачастую откровенно враждебным, но данное обстоятельство не мешало Хрущеву и другим советским руководителям сотрудничать с ними. В этом проявлялось прагматическое стремление не опираться на идеологические схемы, а учитывать реальную ситуацию в мировой политике. Но речь не шла о радикальной деидеологизации советской внешней политики, скорее наоборот, в ней в конце 50-х годов происходит определенная идеологическая «перенастройка». В процессе разоблачения культа личности Сталина низвергнутому с пьедестала «вождю народов» предъявлялись обвинения в отходе от «ленинских норм». Возвращение к этим «нормам» рассматривалось в качестве стратегического направления политического курса постсталинского партийно-государственного руководства СССР.

Возвращение к «ленинским нормам» проявилось и в сфере международной политики, например в уже упомянутой идее «мирного сосуществования», которая

обосновывалась ссылками на работы самого Ленина. Возможность широкого внешнеполитического маневра через установление доверительных связей с Дж. Неру, Сукарно, Г.А. Насером и другими лидерами стран «третьего мира» объяснялась ленинским положением об «объективно прогрессивном, антиимпериалистическом содержании национализма угнетенных народов». Советское руководство не отказалось от идей «мировой революции», только теперь эти идеи стали толковаться не в духе установок Сталина накануне и во время Второй мировой войны, а в духе таких работ Ленина, как статья «Итоги дискуссии о самоопределении». Постепенно в политический и пропагандистский лексикон входит новое понятие «мировой революционный процесс», призванное заменить не очень уважаемый в новых условиях термин «мировая революция».

На XXII съезде КПСС определение мирового революционного процесса было дано в полном соответствии с ленинским подходом. «Социалистические революции, национально-освободительные антиимпериалистические революции, — говорилось в этом определении, — народные демократические революции, широкие крестьянские движения, борьба народных масс за свержение фашистских и иных тиранических режимов, общедемократические движения против национального гнета — все это сливается в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм» [3, с. 38–39]. Главными движущими силами мирового революционного процесса были объявлены «мировая система социализма», «международное рабочее движение» и «национально-освободительное движение» народов бывших колоний и полуколоний. Интернациональным долгом Советского Союза, с точки зрения идеологов КПСС, должна была стать помощь всем революционным силам в их «антиимпериалистической борьбе».

По сути дела, в начале 60-х годов происходит идеологическое обоснование новой, более масштабной роли СССР в мировой политике. К этому времени окончательно сложилась биполярная система международных отношений, в которой Советский Союз занял, как и Соединенные Штаты Америки, место одного из структурообразующих полюсов. Соперничество между сверхдержавами становилось основным содержанием тогдашнего мирового политического процесса и приобретало глобальный характер. Во времена Сталина внешняя политика СССР продолжала традиции внешней политики Российской империи и замыкалась в пространстве, ограниченном его внешними границами. С конца 50-х годов в сферу советских внешнеполитических интересов попадают новые обширные регионы и субрегионы: Южная и Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка, Ближний и Средний Восток. К числу стран «социалистического лагеря», вошедших еще при жизни Сталина в сферу советского влияния, добавляются государства «социалистической ориентации». Любой антизападный, и прежде всего антиамериканский, режим в «третьем мире» автоматически рассматривался как потенциальный союзник в «борьбе с империализмом».

Возрастание внешнеполитической активности и расширение международных обязательств СССР неизбежно требовали и соответствующего увеличения затрат. Прежде всего нужно было добиться паритета с США в области стратегических вооружений. Ведь даже во время Карибского кризиса 1962 г. превосходство США над СССР по числу ядерных зарядов выражалось в соотношении 17:1. Нужно учитывать, что Советский Союз должен был иметь военную мощь, которая уравнове-

шивала бы силы США, их европейских союзников по НАТО и Японии. А это были наиболее развитые в экономическом отношении страны мира. Союзники же СССР по своему экономическому потенциалу значительно уступали государствам западного блока. «Дружба» многих из них, особенно «стран социалистической ориентации», была замешана на желании получить помощь. Размеры этой помощи из года в год возрастали и ложились дополнительным бременем на плечи Советского Союза. Пока советская экономика в 50–70-е годы развивалась поступательно, существовала и возможность финансировать растущие расходы, связанные с международными обязательствами и военно-стратегическими задачами СССР. Но неэффективность советской экономической системы постепенно стала проявляться, темпы экономического роста снизились, возможность сохранения крупных затрат на оборону и внешнюю политику уменьшилась.

Однако в начале 70-х годов произошли два события, позволившие на какое-то время отложить решение назревавших проблем: одновременно возросли мировые цены на нефть и благодаря введению в эксплуатацию крупных месторождений Западной Сибири возрос объем нефтяного экспорта СССР. На Советский Союз полился обильный нефтедолларовый дождь. Новые доходы позволили решать внутренние экономические проблемы и продолжать играть роль лидера «всех прогрессивных сил современности» на международной арене. Как только цены на нефть упали, ситуация резко изменилась и в области внутренней, и в области внешней политики. Попыткой решения обострившихся проблем стали перестройка внутри страны и «новое мышление» на международной арене.

«Новое мышление» означало прямой разрыв со многими прежними идеологическими постулатами. Публично было заявлено, что оно основано не на идеологизированном, а на сугубо научном подходе. «Новое мышление, — утверждал новый советский лидер М. С. Горбачев, — не импровизация, не игра ума. Это результат глубоких размышлений над реальностями современного мира, понимание того, что ответственное отношение к политике требует научного ее обоснования. И отказа от некоторых ранее казавшихся незыблемыми постулатов» [4, с. 148]. В качестве основного принципа «нового политического мышления» был выдвинут принцип приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. «С позиций современности, — говорилось на XIX-й, ставшей последней в истории КПСС, партийной конференции, — для которой характерно нарастание ядерной угрозы, обострение других глобальных проблем, усиление интернационализации всех процессов в мире — все более целостном и взаимозависимом при всей его противоречивости, — мы постарались более глубоко осмыслить изначально заложенную в марксизме идею взаимосвязи пролетарски-классового и общечеловеческого интересов. Это привело нас к выводу о приоритете общечеловеческих ценностей в наш век. Здесь сердцевина нового политического мышления» [5, с. 29].

Появление «нового мышления» можно оценить как попытку деидеологизации советской внешней политики, поворота ее от догматических схем к практическому учету реальностей мировой политики. Однако, совершенно справедливо отказываясь от марксистского догматизма, идеологи КПСС допустили существенную методологическую ошибку. Отказавшись от «классовых интересов» и борьбы за торжество идей «мирового революционного процесса», авторы концепции «нового поли-

тического мышления» в качестве основы советской внешней политики утвердили не национально-государственные интересы, а абстрактные «общечеловеческие ценности», которые трактовались весьма расплывчато и субъективно. В результате международная политика СССР на рубеже 80–90-х годов XX столетия стала бессистемной и бесхребетной. Дипломатическая деятельность Горбачева–Шеварднадзе сводилась к бездумной сдаче своих позиций — будь то вопрос об объединении Германии, договор по ракетам малой и средней дальности или проблема разграничения экономических зон США и СССР в районе Алеутских и Командорских островов. Последствия многих непродуманных решений конца 80-х — начала 90-х годов прошлого столетия до сих пор негативно сказываются на жизненных интересах современной России.

Внешнеполитическая линия Горбачева–Шеварднадзе была продолжена и после развала СССР, когда во главе новой российской дипломатии оказался А. В. Козырев. Российская внешняя политика в период «раннего Ельцина» продолжала бездумно следовать в фарватере внешнеполитического курса США, стремившихся закрепить свою роль в качестве единственной сохранившейся в мире сверхдержавы. Не сразу внешнеполитическая линия Российской Федерации изменилась, и пришло время исправлять допущенные в 90-е годы ошибки. Но не все ошибки можно исправить даже сегодня, поскольку такая возможность была бездарно упущена. В частности, это относится к проблеме расширения НАТО на восток, на опасность которого не обратили внимания в период, когда решался вопрос объединения Германии. Главный урок для российской внешней политики, вытекающий из советского внешнеполитического опыта, заключается в недопустимости излишней идеологизации внешнеполитической сферы, мешающей мыслить категориями национально-государственных интересов.

Литература

1. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: Госполитиздат, 1948. 308 с.
2. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1995. 512 с.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1973. 144 с.
4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.
5. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 160 с.

Для цитирования: Ланцов С.А. Идеологический фактор во внешней политике СССР периода 50–80-х годов XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 3. С. 20–26. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.302

References

1. *Informatsionnoe soveshchanie predstavitelei nekotorykh kompartii v Pol'she v kontse sentiabria 1947 goda* [Information Meeting of Representatives of a Few Communist Parties in Poland in late September 1947]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948, 308 pp. (In Russian)
2. *Sovetskaia vneshniaia politika v gody «kholodnoi voiny» (1945–1985). Novoe prochtenie* [Soviet foreign policy during the “Cold War” (1945–1985). New Reading]. Ed. by L. N. Nezhinskii. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, 512 pp. (In Russian)

3. *Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. Priniata XXII s"ezdom KPSS [Programme of the Communist Party of the Soviet Union. Adopted by 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union]*. Moscow, Politizdat Publ., 1973, 144 pp. (In Russian)

4. Gorbachev M. S. *Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira [Perestroika and New Thinking for Our Country and the Entire World]*. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 271 pp. (In Russian)

5. *Materialy XIX Vsesoiuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 28 iunia — 1 iulia 1988 g. [Proceedings of the 19th Soviet Union-wide Conference of the Communist Party of the Soviet Union on June 28 — July 1, 1988]*. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 160 pp. (In Russian)

For citation: Lantsov S. A. Ideology as a Factor of Soviet Foreign Policy (1950s — 1980s). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 3, pp. 20–26. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.302

Статья поступила в редакцию 25 мая 2016 г.,
рекомендована в печать 2 июня 2016 г.